

Типы вариативности падежных форм имен существительных в словацком литературном языке конца XIX века и ее истоки

© доктор филологических наук К.В. Лифанов, 2009

Словацкий литературный язык конца XIX века представлял собой специфический феномен, существенно отличавшийся как от современного литературного языка, так и литературного языка второй половины 40-х гг. того же века, кодифицированного Л. Штуром и в 50-е гг. реформированного М.М. Годжей и М. Гатталой. Это объясняется тем, что его нормы были довольно свободными, допускавшими широкую вариативность форм. Заметим, что широкая вариативность форм была характерна и для кодификации Л. Штура, однако ее характер был в значительной степени иным. Если Л. Штур допускал в литературном языке параллельное употребление грамматических средств, имевших практически исключительно среднесловацкое происхождение, оставляя возможность их отбора последующей языковой практике, то вариативные языковые средства конца XIX века имели самое разнообразное происхождение.

Определенная часть вариативных форм, представленных в языке названной газеты, восходит к кодификации Л. Штура, вследствие чего сохраняется преемственность между двумя фазами в развитии словацкого литературного языка. Подобный тип дублетности характеризует, например, формы твор. падеж мн. числа существительных мужского рода с основой на один согласный¹:

Merán leží nad adriatickým morom 324 metrov ku poludniu, v biskupstve tridentskom, obkľúčený vysokými vrchami (1889, 21); Ja môžem obrazovnosť moju zaplniť obrazami krásnejšími a vzácnejšími, než ktoré Munkácsy a Rafael maloval (1889, 12); Oba tieto nástroje zastupovali zvony v gréck. cirkvi až do polovice IX. storočia, lebo len r. 865 grécky cisár Michal obdarovaný bol kruz benátskeho dóža, Ursa Patricia, 12 veľkými kostolnými zvonami, ktoré potom ozdobovali väžu chýrečného chrámu sv. Žofie (1889, 62); So slzavými očami ľúbali sme ruky našich milých otcov, a volajúc srdečné „Pán Boh zaplat!“ dívali sme sa dlho za kočami, jich k stanici do Cahnova vezúcimi (1889, 35); A tak teda skvelými zázrakami dokázané a potvrdené je poslanie Ježiša od Boha – pravda toho, čo učil a spasiteľnosť toho, čo ustanovil (1889, 26); Všetci títo môžu mať pravdu v istom smysle a po istú hranicu so svojimi nárokami na vzdelanosť a osvetu ľudu nášho (1890, 3); ...môžeš vidieť medzi davami ľudstva kupujúceho, lesklý tovar obdivujúceho, chudobné postavy roľníkov a nádeníkov... (1890, 10); Ona slávi víťazstva svoje nad spoločnosťou rozorvanou hmotárstvom a rozkošnosťou tela, slávi triumfy svoje nad štátami podrytými a zviklanými neverou, bludom a odbojom proti Bohu... (1890, 9);

¹ Ср. у Л. Штура: *Inštrumentál* končí sa obyčajne na *mi*, napr. *Susedmi, židmi, pánmí, ostroviđmi, volmi, medvedmi* atď. Ale sa končí aj na *ami*, napr. *Prjateľami, sedľakami, zatami, medvedami, volami* atď. (Štúr 1957, 192).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Smieruje národy s *národami*, ničí protivu medzi biedou a prepychom... (1890, 9); Sotva prišiel pred šesť *rokami* do tejto ťažkej farnosti, hneď začal, ačkoľvek na tele slabý a často chorľavý, na dobrom tohoto z väčšej strany chudobného a mnohými biedami ubitého ľudu pracovať (1890, 169) – V Prahe, Pešti, vo Viedni atď. sú kancellarie „pre službu“, mimovoľnými a často i zúmyselnými *odavateľmi* toho zbožia! (1889, 64); Tak nedávno vystaváť si dal v Chicago istý bohatý Bostončan dom na štmásť poschodí, mieňac vačky si plniť *peniazmi* prenájomníkov (1889, 72); Nie v skryte, jako ešte pred 100 *rokmi*, ale verejne len samom Londýne v 155 kostoloch a kaplnkách 387 kňazov slúževa mše sv., káže slovo Božie a vysluhuje sv. sviatosti katolíkom (1890, 59); Anglicko a Wales rozdelené je na jedno arcibiskupstvo (Westminster) a 14 biskupství s 1340 *kostolmi* a 2339 *kňazmi* katolíckými (1890, 59); Po zpúste Mohácskej (1526) povstala medzi *členmi* rodu toho dlhá rozopra o úžitky šoltyské (1890, 12); ...lebo poznávanie vecí je veľmi obťažné, myseľ však, od prírody slabá, často klamaná býva rôznosťou mienok a *vlivmi* zovňajšími... (1890, 33); ...nechávajú dravým vlkom voľný prístup k nešerednému riadeniu medzi *bratmi* svojimi, nechcejú sa miešať do verejných záležitostí, aby vraj pokoj mali v týchto zlých časoch (1890, 26).

У существительных же с двумя согласными в конце основы в языке изученной газеты, как и в кодификации Л. Штура, под воздействием фонетического фактора употребление форм с флексией *-mi* было невозможным:

Človek sa stúli v jednom okamihu, hodí škrablicu o pleco a opre o ňu líco pác! a zverina tancuje hore *paprčkami!* (1889, 87); Telo naše je vystrojené piatimi *mysľami* (1889, 49); K jak velikej svätosti musela ju povzniesť táto hojnosť milosti, keď i ona sama – spoluúčinkujúca s ňou – svojimi *skutkami* vždy nové a nové zásluhy si vydobývala? (1890, 71)².

Указанная дублетность, представленная у Л. Штура, однако, в новой кодификации словацкого литературного языка 1852 г. была *осложнена введением* в нее *архаичных форм* соответствующего падежа с флексией *-i* (графически также *-y*), которые изредка обнаруживаем в текстах газеты «Католицке Новины»:

Majúc ešte daktoré prstienky s drahými *kameny*, zlaté a strieborné retiazky a iný šperk, umienila si to všetko zpeňažiť a utržené peniaze dietkam na úroky uložiť (1889, 14); Už pred *Thurzovci*, opánstvenými v Orave, nachádzame v obci Nižná Ves šoltysov a síce z rodu Dluholuckých (1890, 12).

Несмотря на относительно низкую частотность употребления, формы с флексией *-y/-i* в словацком литературном языке сохранил и С. Цамбел [Czambel 1919: 59], и лишь позже они были выведены из него как устаревшие.

Аналогичную, “штуровскую”, природу имеет и параллельное употребление форм с флексиями, содержащими краткий гласный *a* или ди-

² В случае, если первый из согласных в конце основы был сонорным, в языке газеты могли употребляться формы с флексией *-mi*, что соответствует ситуации в современном словацком литературном языке: ...len brániť ho treba pred neznabohmi a všeliakými *mudrlantmi*, obhajovať pred známymi zákonnými prijaviciami a na základe opravdive kresťanskom poučovať a vzdelávať... (1890, 28). В кодификации Л. Штура информация об образовании подобных форм отсутствует.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

фтонг *ia* в формах дат. и предл. падежей мн. числа существительных женского рода с основой на функционально мягкий согласный (современные типы склонения *ulica, dlaň* и *kost*)³. В текстах газеты «Католицке Новины» названная вариативность сохраняется, причем у существительных с нулевой флексией в им. падеже ед. числа окончание с кратким гласным очевидно преобладает. Ср. примеры:

а) K týmto slabým črtám mohli by pridať viac priatelia naši turčanskí, kde v *Mošovcach* asi roku 1804 zomrel v Pánu Arnošt Bácsmegyei, VAD, farár, č. kanonik, protonotár apoštolský, assessor atď. (1889, 67); Keby táto videla na jednej strane kaluž, bahno, zo druhej ale strany ružové *lôžko*: váľala by sa radnej v bahne než v *ružach* (1889, 23); Smutný osud majú uhorskí a poľskí vystáhovateli v uhoľných *baňach* Pennsylvanie! (1889, 64); Neni ona *nahodilou* jednotou kresťanov, lež spoločnosťou od Boha založenou, ktorá rovno a hlavne smeruje k tomu, aby *dušam* pokoj a svätosť sprostriedkovala (1890, 34); Vdp. Vilhelm Szecsányi, č. kanonik ostrihomský, dekan a farár v *Prašicach*, stal sa farárom vo Veľkých Topolčanoch (1890, 61); O *Vianocach* vystavené bývajú k verejnej úcte... (1890, 8); Mluvu spíšských Slovákov, či Slovanov možno roztriediť na tri nárečia: rusko slovenské, jakým mluví kolo 16.000 Rusniakov; na nárečie poľskoslovenské, uživané v Magure a po galicijských *hranicach*; konečne na uhorskoslovenské nárečie, podobné šárišskému a zemplinskému (1890, 4) — Minister financií Weckerle upozorňuje vrchmosti, že akísi neznámi švindleri cestujú po *stoliciach* a strašia ľud, že staré zlatovky sú už celkom baz ceny... (1890, 118); Nie ústami, ale nosom máme vraj dýchať, a túto nosovú dijetiku odporúčajú niektorí lekári jako ochranu proti *nemociam*, ba jako hlavnú podmienku zdravia (1890, 8); Ruka Rehorova utvorila zo zbytkov Rimanov, zo západných Gothov a Frankov, z Longobardov a Anglosasov rodinu národov, naleznuvšiu napriek všetkým *treniciam* jednotu v spoločnom Otcovi (1890, 36);

б) Ešte za časov Konstantína Veľkého jako aj pozdejšie v kláštoroch shromažďovali mníchov a mnišky k *pobožnostiam* – dľa starožidovského spôsobu – hlasom trúby (1889, 62); V liste svojom k Titovi napomína kresťanov, „aby boli kniežatom a *mocnostiam* poddaní; rozkazy jejích poslúchali“... (1890, 18); Viedeň mala smutné sviatky veľkonočné; udaly sa tu v poniektorých *predmestach* veľké výtržnosti (1889, 69); O zvláštnejších *udalostach* v Italii dočítať sa môžete v politických novinách, a jak viete, neni sú ony veselé (1889, 61); Mnohý človek tak lípi na telesných *rozkošach* a tak neni schopný duchovných radostí, žeby nenašiel v nebi nebo (1889, 23); A zas mnohý chorobou sklúčený, mnohé roky musel tráviť v *bolastach*, prial si ulavenie a nebolo mu udeleno, až klesnul v hrob (1890, 40); Cieľom spolku je napomáhať duševný a hmotný pokrok slovinského národa v náboženských, štátnych, obecných, školských, hospodárskych a spoločenských *záležitostach*... (1890, 51) — Nezabúdajme na sv. Bonifáca, ktorý jako nový poriadateľ cirkevných záležitostí v Bavorsku mohutne pôsobil v prospech znovuzriadenia kresťanstva v našich *zemiach* (1890, 36); Navštevovanie opatrovní má byť povinnováté vo všetkých *obciach* a k udržovaniu opatrovní majú obce prispievať prírazkami (1890, 36).

Интересно, что соответствующая флексия с кратким гласным была зафиксирована даже у существительного среднего рода *predmestie*, парадигму которого характеризует наличие стяженных гласных:

Viedeň mala smutné sviatky veľkonočné; udaly sa tu v poniektorých *predmestach* veľké výtržnosti (1889, 69).

³ Ср. в приводимых Л. Штуром парадигмах дублетные формы *ulicach (ulicjach), nocach (nocjach)* (Štúr 1957, 200, 202).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

В формах существительных с функционально мягким согласным в конце основы наблюдается дальнейшее осложнение “штуровской” вариативности, так как выявляются формы соответствующих падежей с долгим гласным во флексии, но без дифтонгизации этого гласного. Это явление представляет собой существенное отклонение от среднесловацкой фонетической системы⁴ и, вероятнее всего, указанные формы оказались в письменных текстах этого периода *под влиянием бернолаковского литературного языка*, которого ранее придерживались словацкие католики. Распространены же они прежде всего в западнословацком диалекте. Ср. примеры:

Roku 1887. započala sa v Trenčanských *Tepličách* stavba nového katolíckeho kostola... (1889, 60); (V bohatých nekdý strieborných *baňách*) v Španej Doline pri B.-Bystrici zastavil erár prácu, pretože nevyplácala sa (1889, 32); ...i u nás prichádzajú veľiké stvory, štvornohé zvieratá i operenci k *jaslám* betlehenským, ale nik sa na tom nepohorší jako inde (1890, 188); Lanského roku sa konaly v jaseň sv. missie v Detve, v považskom Novom Meste, v *Čachticách* a v Kuchyni (1890, 27); Ľud uveličený navštívovaľ cez sviatky vianočné chrám sv. jakubský, ba i z druhých fár chodievali sem ľudia návštevou, tak že tu každý sviatok a nedelu bývali hostia, ktorí tiež dávali svoj skromný darček malému Ježiškovi v *jaslách* (1890, 22); Preto vo svojich vlastných záležitostiach a v *medzách* svojimi obzvláštnymi cieľami vykázaných nie je žiadna podrobená druhej (1890, 48); ... (moderná veda) napáda ho už nie len z predku, ale aj od boku, hovoriac, jakoby o indiferentných *vecách*... (1890, 74).

Попутно заметим, что недифтонгизированные долгие гласные в позиции после функционально мягкого согласного представлены и в некоторых других словоформах, например, в парадигмах прилагательных и причастий:

Z tej istej príčiny ďalej je Cirkvi, jakokoľvek ona na vlastné svoje práva žiarlivá je, každé *cudzé* právo úctyhodné a sväté... (1890, 34); V celom všemíre (svete) nechádzame (!) ten najväčší poriadok, tie najrozumnejšie a nepremeniteľné zákony, ktoré zákony môžu pochádzať len od umu, *vládnucého* nad celým svetom (1890, 112); Nič *cudzého* neztrpí oko v sebe (1889, 74).

Проникновение морфологических форм западнословацкого происхождения, хорошо известных особенно словацким католикам вследствие того, что они длительное время использовали в качестве литературного языка языковую формацию, в которой генетически западнословацкие элементы являлись существенным компонентом структуры, в конце XIX в. было распространенным явлением. К числу таких явлений отнесем употребление форм род. падежа ед. числа одушевленных существительных муж. рода на *-a* с флексией *-u* взамен кодифицированных эксклюзивных среднесловацких форм с флексией *-i*. Ср. примеры:

⁴ По данным «Атласа словацкого языка» рассматриваемая форма все же спорадически встречается в говорах среднесловацкого диалекта, в частности в центральной части Оравы и некоторых населенных пунктах к северо-западу от Липтовского Микулаша (Atlas 1978, 89).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Z Ríma sa sdeľuje, že rektor českého kollegia v Ríme, Lorenzelli, odobere sa v sprievode pápežského *noblgardisty*, grófa Moroniho, do Prahy, aby tu odovzdal kniežaťu-arcibiskupovi grófovi Schönbornovi kardinálsky klobúk (1889, 69); Na žiadosť *predsedy* gr. Bloma, udelil ešte kardinál Ganglbauer shromaždeniu požehnanie a druhý katolícky sjazd bol zakončený (1889, 86); Z tej príčiny chcem verne vyprávať o dobe sv. Štefana, nakoľko je ona dosavád' bedlivým zkúmaním zjistená a hlavne od tmy, ktorú takrečený notár kráľa *Bely* (Anonymus Belae regis notaris) svojim prekrútením uvalil na dejepis Uhorska, očistená (1889, 90); Z príčiny teda i politickej i cirkevnej moravo-slovanský kráľ Rastislav vypravil poslov do Carihradu, prosiac od cisára Michaela a sv. Ignáca, *patriarchy* carihradského, slovanských kňazov, ktorí by učili ľud... (1889, 91); Povedomie o svojej hodnote mravnej dodávalo jej kroku smelší ráz, i odhodlane kráčala k domu svojho domnele najúhlavnejšieho nepriateľa, k domu richtára *Vrany* (1890, 85) — Na Pannu Mariu môžeme právom vzťahovať slová *žalmistu*... (1890, 72).

Иным примером вариативности являются формы им. и вин. падежей существительных среднего рода с основой на функционально мягкий согласный, которые имели либо флексию *-e*, либо флексию *-o*⁵. Формы указанных существительных среднего рода с флексией *-o* встречались в памятниках словацкой письменности добернолаковского периода, однако преобладающими все же не были [Лифанов 2000: 85]. Этот факт нашел отражение и в кодификации А. Бернолака, поскольку употребление названных флексий он допускал в качестве дублетных лишь у некоторых существительных с указанной основой [Pavelek 1964: 171]. Естественно, подобные формы отсутствовали в кодификации Л. Штура, но в текстах газеты «Католицке Новины» они вновь обнаруживаются:

... jeho užší konec položil na ľavé *pleco*, za šnôru držal ho medzi zubama a s dvoma drevenými kladivkami bil naň, krúťac sa s ním dokola (1889, 62); Človek sa stúli v jednom okamihu, hodí škrablicu o *pleco* a opre o ňu *lico* pác! a zverina tancuje hore paprčkami! (1889, 87) — Skrýša tá je *srdce* jeho (1889, 41); Smutnou, zachmúrenou jasnou krajinou kráčal pútnik cez *pole*, pozbavené už rúcha svojho kvetnastého (1889, 57).

С кодификацией А. Бернолака корреспондируют также формы предл. падежа ед. числа существительных мужского рода с основой на *s* с флексией *-i* [Pavelek 1964: 163], восходящие к западнословацкому диалекту⁶ и отсутствовавшие в кодификации Л. Штура, но конкурирующие с формами с флексией *-e* в текстах изученной газеты:

⁵ По нашему мнению, наличие форм с флексией *-o* в памятниках западнословацкой и среднесловацкой письменности следует рассматривать как явление западнословацкого происхождения, несмотря на то, что подобные формы существуют в верхнеоравском говоре [Štolc 1994: 66].

⁶ Инодиалектное влияние, вероятно, проявляется и при образовании отдельных форм, поскольку нарушает его механизм, действующий в словацком литературном языке и восходящий к среднесловацкому диалекту: Roztlčený oblok neubrání pred *dážďom*⁶ (совр. *dažďom*) a sňahom, aj prach vchádza takým oknom do izby (1889, 23); Všetci tí, ktorí túžia po štáte beznáboženskom a preto šliapu nohama po všetkom, čo je cirkevného a náboženského, pri tom ale stále o svobode a pokroku rozprávajú, - nezaslужujú nič lepšieho, len aby železná ruka vojenskej vlády mávala jim po *chrbate* (совр. *chrbite*) kusami pastierskej palice jimi polámanej v podobe knuty (1890, 62).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

...v banskobystrickom biskupstve, v stolici nitranskej, v *okresi* prievidzskom... (1890, 158); Chodieval obyčajne do mesta do práce a v zime, keď zednickej práce nebolo, živil sa drevárstvom v *lesi* alebo zahalal docela (1889, 69) — To zkusila Milka, keď sa tam v *lese* osamotela a opustená modlila; podobne i Milkina matka, keď sa v žalári kolenačky Bohu v náručie hodila (1890, 189).

Еще одним подобным примером является употребление форм им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода с долгим или кратким гласным во флексии:

Na *slova* Andrejove vzhopil sa Fero, že vraj donesie peniaze za vola, aj pušku pre brata, keď vraj sa mu jej tak veľmi zažiadalo (1889, 87); Mohol by si si myslieť, že sú najčistejšie *zvieratka*; avšak hneď usadnú zase na najošklivejšie veci a sýťa sa z nich (1889, 6); Tieto *proroctva* buď pochádzajú od iných, alebo od samého Ježiša Krista (1889, 34); Čo je slnce na nebi pre hviezdy a celý svet, to je Cirkev a náboženstvo pre školy a fabriky, pre dediny a *mesta*, paláce a chýže, pre osvetu a kultúru, pre celé človečenstvo i pre náš ľud slovenský (1890, 3); Rovná snaha je všetkých kníh a časopisov, ktoré ozdobiač *čela* svoje slavnými menami svätých Cyrilla a Methoda... (1890, 73); ... vy ste vysokourodzené osobnosti, *kniežata* i kňažne (1890, 117) — Však ale veľmi málo umení najdeme, ktorých *pravidlá* byly by tak ťažkými a neznámymi a ktoré tak nešťastne zanedbávané bývajú, jako práve *pravidla*, pojednávajúce o výchove! (1889, 31).

Вполне естественным представляется отсутствие кодифицированных форм с флексией *-i* в рассматриваемом падеже у одушевленных существительных с суффиксом *-c(a)*, так как даже сам Л. Штур допускал у них дублетные формы типа *sudcu / sudca* [Štúr 1957: 198]. В то же время форма *sudca* связывает все три рассматриваемые этапы развития словацкого литературного языка, поскольку только ее кодифицирует А. Бернолак [Pavelek 1964: 155]. Представляется, что данная форма возникла *под опосредованным влиянием чешского языка*⁷. Ср. примеры из газеты «Католицке Новины»:

Môžem si predstaviť Jeho Matku, najsvätejšiu Pannu, s jej nevinnosťou a slávou, svätého Andela *strážca* (1889, 12); Vysvitá to zo slov bezmenného *pôvodca*, ktorý dľa Mabillona žil pred VIII. storočím... (1889, 62); Jako hrdinu a *obranca* augsburgsko-luteranského vierovyznania, vyučeného na protestantských universitách, nič na svete nebolo by vraj v stave, pohnúť ma ku prestúpeniu do katolickej Cirkve, jedine milosť Božia, ktorá mi vnukla uprimnú iskrennú žižň za pravdou (1889, 66); Od pána *správca* (1889, 35); Jeho nástupcovia, Adrian II. a Ján VIII., však pokračovali vo zplnení bohumilého úmyslu *predchodca* svojho (1890, 44); Či je válečný boj bez *vojevodca*? (1890, 14).

Иногда *в качестве варианта* морфологической формы *выступал* очевидный *богемизм*, функционировавший наряду с генетически словацкой формой. Такое явление наблюдалось, например, в род. падеже

⁷ В чешском языке названные существительные в им. и род. падежах ед. числа имеют флексию *-e*, отражающую результат фонетического процесса перегласовки. Именно такая форма была кодифицирована и А. Бернолаком [Pavelek 1964: 155]. В словацком литературном языке конца XIX в. также представлены формы с омонимичными флексиями, однако, естественно, с неперегласованным гласным.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

мн. числа существительного *ruka*, где были зафиксирована предположительно⁸ словакизированная форма *rukú*⁹, восходящая к чешской *rukou*, а также генетически словацкая *rúk*:

Ja som to videl, a chválil som Boha v kráse v tomto diele *rukú* jeho a zaplesal som, že tú krásu dal Pán Boh Slovákom (1890, 117); Všetci obrátili sa v tú stranu a skutočne vyzeralo to tak, akoby sa bili, lebo Štefan nijako nechcel Brtkovú pripustiť ku slovu, ktorá sa chcela zbaviť Štefanových *rukú* vrtením hlavy a všeliakými pohybami *rúk*, čo zase vyzeralo, ako by ho chcela objasť (1890, 23); Kostolník porozumel Jurgošovej; v tom okamžiku chytil nešťastnú Brtkovú za ruku a zrovna tak chytró desať *rúk* chytalo kľučku, aby sa jej mohli zbaviť (1890, 23).¹⁰

Процесс регрессивного развития словацкого литературного языка¹¹, характерный для второй половины XIX в., в отдельных случаях зашел так далеко, что *кодифицированные Л. Штуром формы оказались* практически полностью *вытесненными* из литературного языка, подвергшись замене традиционными. Так, например, в парадигмах ед. числа имен существительных женского рода, обозначающих высокопоставленных лиц эпохи средневековья, а также родственников, и в формах им. и вин. падежей мн. числа в изученных текстах последовательно представлены субстантивные флексии, тогда как в кодификации Л. Штура их характеризовали флексии адъективные. В более поздний период произошел возврат к кодификации Л. Штура. Ср. примеры из газеты «Католицке Новины»:

Dve *arcikňažny* (совр. *arcikňažné*): Maria Valeria a Margareta, mali v ňom sobáše (1890, 125); Sobáš *arcikňažny* (совр. *arcikňažnej*) Margarety, dcéry arcikniežaťa Josefa, s kniežaťom nemeckým Albertom Thurn-Taxis-om bol 15. júľa v zámku budínskome (1890, 125); Poznenáhla prikvarí aj domová *gazdina* (совр. *gazdiná*) so skrovnou večerou (1890, 11); Hrajme sa na „*gazdinu*“ (совр. *gazdinú*), čo nás nedávno tetka Tereza naučila (1890, 30); Eleonora, *kňažna* (совр. *kňažná*) z Wallheimu (1890, 29); Malá slepá *princezna* (совр. *princezná*) Ottilia, dieťa osemročné, sedí v lenoške (1890, 31).

Состав морфологических форм, реально функционировавших в литературном языке, был расширен не только за счет западнословацких, но и *некодифицированных региональных среднесловацких форм*. К их

⁸ Информацией о распространении данной формы в говорах словацкого языка мы не располагаем.

⁹ Аналогичную форму у существительного *prse* (совр. *prsia*) кодифицировал Л. Штур [Štúr 1957: 195]. К сожалению, примерами ее употребления в текстах газета «Католицке Новины» мы не располагаем.

¹⁰ Чешским влиянием объясняется также употребление в твор. падеже мн. числа этого же существительного, а также существительного *noha* форм с флексией *-ama*, поскольку соответствующие формы других существительных не употребляются: S pozdvihnutými *rukama* (1889, 47); Všetci tí, ktorí túža po štáte beznáboženskom a preto šliapu *nohama* po všetkom, čo je cirkevného a náboženského, pri tom ale stále o svobode a pokroku rozprávajú, - nezaslúhujú nič lepšieho, len aby železná ruka vojenskej vlády mávala jim po chrbáte kusami pastierskej palice jimi polámanej v podobe knuty (62).

¹¹ Регрессивным мы называем такое развитие словацкого литературного языка, которое вело к возврату форм, характеризовавших его более раннее состояние.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

числу относятся, к примеру, формы твор. падежа мн. числа существительных с функционально мягким согласным в конце основы. Флексии этих форм, будучи первоначально краткими, в отдельных среднесловацких (и западнословацких, испытавших влияние среднесловацких¹²) говорах под влиянием флексий дат. и предл. падежей приобрели долготу, последствием чего стала дифтонгизация гласного флексии. Ср. примеры:

Ja sa nemôžem uspokojiť s žobráckou polievkou a krumpliami a viem sebe lepšej výživy zaopatriť! (1889, 14); ...len brániť ho treba pred neznabohmi a všeliakými mudrlantmi, obhajovať pred známymi zkazonosnými *pijaviciami* a na základe opravdive kresťanskom poučovať a vzdelávať... (1890, 28); Tu už príroda sa výdatnejšie postarala o svojich obyvateľov úrodnými *poliami*, súc vstave všetkých čestne vyživíť (1890, 28); A odfukovali ona i on; pričom hral sa on prstami so zlatou retiazkou, combílal ona ťažkými *zaušnicami* (1890, 116); V našich pomýlených časoch, v ktorých cvenk peňazí hýbe *srdcami*, obmäkčuje i tých najzatvrdnutejších protivníkov, špaté dodáva pôabu, nakloňuje neshybných, prázdne hlavy plní rozumom, nestydatosti dáva mno vtipnosť a na bezočivú neohrabanosť hovorí, že sú to vzdelané spôsoby... (1890, 116).

Вариативные формы фиксируются также в формах дат. и предл. падежей заимствованных существительных женского и среднего родов с основой на гласный *i*, парадигмы которых находились на стадии формирования. В настоящее время в парадигмах названных существительных представлены соответственно флексии *-át* и *-ách* с долгим гласным, тогда как в рассматриваемый период эти существительные употреблялись преимущественно с кратким гласным во флексии, а формы с долгим гласным употреблялись еще очень редко. Это объясняется тем, что их распространению препятствовал фонетический фактор, а именно: необычное для словацкого языка сочетание двух гласных:

Ovšem i my vzdávame časť a chválu silnému duchu Palárika, že úplným pokorením sa zvíťazil sám nad sebou, odvráťac sa od lichej slávy sveta, nešiel cestami pýchy a hlavatosi kacierskej, po jakých kráčali ku pr. Hus, Luther a t. p., ale radšie tešil sa a vzbudzoval príkladami svojich miláčkov v *studiach*... (1890, 56); ...kultúru, vzdelanosť, osvetu u Poliakov chce šíriť len rečou nemeckou, nie národnou poľskou: a voči tomuto politickému prúdu, voči panujúcej mienke politickej, navzdor vyhláseným, zjavným *ašpiráciám* a nariadeniam štátnej vlády, navzdor inkompatibilite medzi poľskou rečou a patriotismom štátnym úradným, - biskup katolícky nakladá klerikom v školách cirkevných, aby sa učili reči, ktorá je vládou vytvorená z verejného života a zo všetkých škôl... (1890, 5); ...keď sme mali podrost na *gymnasiach*, *akademiach* a universitách, ktorý vtedy ešte vysoko niesol hlavu... (1890, 82); Jeho veľkomožnosť p. farár sa po *nich* o sv. *missiach* takto vyslovuje: „Ľud môj má z nich veľkú radosť...“ (1890, 28) — Pripravujú cestu k *missiám* povzbudzujú ku vydržiavaniu jich, podávajú úšľachtilú zábavu v čítaní... (1890, 10).

В качестве аналогичного примера может служить вариативность форм предл. падежа ед. числа, а также им. и вин. падежей мн. числа

¹² Форма *husľami* sa vyskytuje sporadicky popri forme *husľami* v hor. Trenčianskej, na hor. Nitre a v Novohrade [Atlas 1978: 95].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

существительных мужского рода с основой на *r* и *l*, склонение которых в кодификации Л. Штура специально не оговаривалось. В изученных же текстах они склонялись как по типу *dub*, так и по типу *stroj*:

а) Kým on usilovne pracuje, v tom istom čase paní toho domu si hrá na *klavíre*... (1889, 50); Za našich časov zápasia na *papiere* písmeny o nebe a peklo (1890, 62); Ľud náš predstavuje si okolnosti Narodzenia Pánovho po svojsky: maštal drevenú, slamou odenú, pastierov v krpeoch s dudami na obnôcke, ovce v *košiare*, dary z našich salašov a komôr... (1890, 188); V najstrašnejšom *žaláre* mojego zámku budete za zločin svoj pykať (1890, 68) — To zkusila Milka, keď sa tam v lese osamotela a opustená modlíla; podobne i Milkina matka, keď sa v *žalári* kolenačky Bohu v náručie hodila (1890, 189); Vo Veľkej Bytči staly sa v mesiaci *februári* a marci t. r. dva prípady vyznania viery rim. katolickej (1890, 61);

б) Biskupi milovali viac meč nežli kríž, svetskí bohatí ľudia poľovačku a *poháry*, kňazi ledva vedeli čítať liturgiu a vysvetliť „Pater noster“ a „Credo“ (1889, 91); Temer všetky *kufry* a vaky byly po poliach a zahradách rozmetané, ovšem vylámané a vydrancované (1890, 86); Dľa „Australian Catholic Directory for 1889“ (Sydney) nalezá sa v Austrálii 32 biskupství, 1115 chrámov, 491 kňazov svetských, 294 rehoľných, bratov rehoľných 315, sestier rehoľných 2364, 2 *semináry*... (1889, 61); — Boly *semináre*, jako ku pr. Nitra, B.-Bystrica, Spiš, kde všetci temer predstavení ho odberali a zvedavo čítali... (1890, 73); A nábožní veriaci radi nasledujú toto pokynutie prírody; oni nielen *oltáre* mariánské kvetím okrašľujú, ale aj srdcia svoje ľúbznou k Rodičke Božej oddanosťou, úctou ozdobujú, spevmi a plesmi ju oslavujú a obetujú jej čistý kvet srdca svojich, modlitbu, aby ju predniesla Pánu (1890, 71); Kto mi za to dá 4 *krajciare*? (1890, 85).

Специфический тип вариативности наблюдается в формах род. падежа мн. числа в парадигмах существительных среднего рода на *-stvo*, *-ctvo*. Дублетность форм названных существительных была представлена в кодификации Л. Штура, однако *обе в литературном языке не прижились*. Л. Штур предлагал образовывать рассматриваемые формы либо при помощи нулевой флексии без вставного гласного, либо при помощи флексии *-ov* (графически *-ou*): «*Panstvo, kráľovstvo, náboženstvo* имеют формы род. падежа *panstv, kráľovstv, náboženstv*, однако эти слова в такой огласовке сложно произносить, поэтому у них и у подобных слов бывают формы род. Падежа с окончанием *ou*, т.е. *panstvou, kráľovstvou, náboženstvou* и т.д.» [Štúr 1957: 205]. Однако и та, и другая формы отличались эксцентричностью: первая была труднопроизносимой, что отметил и сам Л. Штур, а вторая противоречила формальному устройству категории рода в словацком литературном языке, так как существительные среднего рода употреблялись с “мужскими” флексиями. Вследствие этого в текстах газеты «Католицке Новины» употребляются преимущественно формы с генетически чешской флексией *-í*, но появляются также морфологические инновации с нулевой флексией и вставным гласным *ie*, которые позже в словацком литературном языке полностью побеждают:

Pohanský štát rímský obviňoval kresťanov zo zločinu urazenia cisárskeho veličenstva, zapierania štátnych *božství*... (1889, 59); Konala sa tohože roku 22. júla, ktorá slavnosť sa v prítomnosti nie len tunajších pp. Duchovných, lež aj z cudzích *biskupství* kňazov vybavovala

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

(4889, 60); Po dlhšej porade najdôst. pp. biskupi usniesli sa, že, jako r. 1840 v záležitosti miešaných *manželství* a r. 1880 v záležitosti trestného zákona, i v tejto veci obráťa sa na sv. Otca v Ríme, od neho budú prosit' návod, predbežne však ministerské ono nariadenie navyhlása (1890, 67); Anglicko a Wales rozdelené je na jedno arcibiskupstvo (Westminster) a 14 *biskupství*¹³ s 1340 kostolmi a 2339 kňazmi katolíckymi (1890, 59); Takto pôvodca, vychádzajúc z neodvislosti svobodného smýšľania, dospel k apologii pozitívnych *náboženství*, poťažne náboženstva katolíckého, jakožto jestvujúceho vo Francúzsku (1890, 74) – Zrušenie *spoločenstiev* kláštorných bolo, jako známo, prvým činom Henrika VIII. po jeho odpadnutí od Cirkve katolíckej... (1890, 68).

Подтверждением тому, что названные генетически чешские формы (*nebezpečství, zbojství, panství*) в словацком литературном языке конца XIX века занимали прочные позиции, была их кодификация С. Цамбелом, который специально подчеркивал нежелательность употребления форм с нулевой флексией как без вставного гласного (*nebezpečstv, zbojstv, pánstv*), кодифицированных Л. Штуром, так и морфологических инноваций со вставным гласным (*nebezpečnstiev, zbojstiev, panstiev*) [Czambel 1919: 59].

Иногда на недостаточную сформированность нормы накладывается взаимодействие предшествующей литературной традиции, что одновременно связано с воздействием инодиалектной (или чешской) системы. Такое взаимодействие различных факторов наблюдалось при образовании форм род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода. Названные формы образовывались при помощи нулевой флексии и продления корневого гласного основы (за некоторыми исключениями). В изученных текстах, однако, с современной точки зрения иногда происходят “сбои”: у одних форм этого продления не наблюдается, у других, представляющих собой исключение из этого правила, оно, напротив, реализуется, у третьих при продлении гласных в позиции после функционально мягкого согласного в конце основы продление не сопровождается дифтонгизацией. Ср. примеры:

Z mest (совр. *miest*) ležiacich na brehu rieky Missisipi oznamujú, že rieka zaplavila okolie, pri čom mnoho ľudí prišlo o život (1890, 62); ...ľubezná vôňa *kvetin* (совр. *kvetín*) tiahne ho v duchu ku kvetom čnosti, aby sa stal „dobrou vôňou Krista“ a Matky jeho (1890, 71); Blud všetkých tu uvedených *nauk* (совр. *náuk*) je, že nenávidia Boha a kresťanstvo, jako by jim i Boh i kresťanstvo prekážalo dosiahnuť blahobyť... (1890, 67); A odpovedá: není, preto že má nedostatok zásad a základných *pravd* (совр. *práv*), z čoho vychádza stranníctvo a nesmieriteľnosť strán (1890, 77); Tento hned' prijdúc, pozdravil Marianu prívetиво a dakol'ko potešiteľných *slôv* (совр. *slov*) jej povedev, šiel potom k jej mužovi hore (1889, 38) — Sv. Method pamätlivý závetných *slov* brata svojho, vyjdúc zo svätého mesta na biskupstvo posvätený a na duchu obodrený, navrátil sa do zeme na brehoch Moravy a Váhu, pokračoval

¹³ Ср. форму им. падежа мн. числа: ...jeden horlivý úd spolku sv. Adalberta (Vojtecha) i v týchto novinách bol žiadal, aby ct. Správa spolku poprosila všetkých našich pp. Biskupov, aby ten spevník pre svoje *biskupstva* prijať, organistom preporučit', pre chóry a školy z kostolnej kassy ho kúpiť dovolit' ráčili (1890, 35).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

v diele, a to so zdarom... (1890, 44); Stromok môže zahynúť i od veľkej bujnosti *š'áv* (совр. *š'íav*) (1889, 74).

Строгие правила образования названных форм отсутствовали также в тех случаях, когда в конце основы образовывалась группа согласных, которую разделял вставной гласный. Л. Штур кодифицировал формы со вставными гласными *-á-* и *-ie-* (графически *-je-*) после слогов с кратким гласным, не установив правило их распределения, и со вставным *-o-* после слогов с долгим гласным [Štúr 1957: 199-200]. В рассмотренных текстах репертуар вставных гласных оказывается богаче. Кроме того, у отдельных лексем по сравнению с современным словацким литературным языком обнаруживаются формы с иными, хотя и кодифицированными вставными гласными. Ср. примеры:

U mnišek (совр. *mnišok*) ale tuším bol vo zvyku spev k budeniu, lebo sa číta, že v jerusalemskom kláštore sv. Pauly spievali „Hallelujah“ a tým spiacie budily a povolávaly k modlitbe (1889, 62); Najlepšou pomocou by ovšem bolo, keby kresťanstvo preniklo do všetkých *vrstev* (совр. *vrstiev*) ľudských, jako do tried zámožných, tak i medzi chudobu (1890, 66); Duchovných pánov bratov prosím o láskavé odporúčanie dielka a ochotné sobjeranie *objednavók* (совр. *objednaviek*), jako to pri mojom prvom vychovávateľskom dielci „Len jedno je potrebné“ z lásky k dobrej veci s toľkým zdarom učinili (1889, 64); Z tých je: milion ohavných *nádavók* (совр. *nádavok*) a lhárstva proti Cirkvi; 344.000 ľahostajného ducha, no nemenej plných *ušklbók*¹⁴, a len 50.000 počíta sa za dobré (1889, 28); Na to roztvoril knižku a vydával z nej 60 zlatých z pekne poukládaných *zlatovák* (совр. *zlatoviek*), ktoré bola Betka nedávno aj vypiglovala... (1889, 86).

Не всегда количество дублетных форм увеличивалось. Иногда, напротив, оно стремилось к сокращению. Такое явление, кроме уже упомянутых существительных женского рода, которые в настоящее время образуют тип *gazdiná*, характеризует формы предл. падежа мн. числа существительных мужского рода, в которых Л. Штур кодифицировал флексии *-ach* и *-och*¹⁵ [Štúr 1957: 190, 193]. Первые, однако, в текстах газеты «Католицке Новины» уже не встречаются. В то же время иногда обнаруживаются соответствующие формы с долгой флексией *-ách*, которые с функциональной точки зрения являются совершенно иными, поскольку не имеют родовой характеристики, так как совпадают с соответствующими флексиями в парадигмах женского и среднего родов. Ср. примеры:

Slova tieto síce možno rozumeť i o *zvonoch*, a preto nutno uviesť zrejmejšie svedectvo (1889, 62); Nakoľko heslo „Spojenými silami“ má platnosť v každom obore činnosti ľudskej, vyslovuje sjazd katolíkov nádej a žiadosť, že všetci na kresťanskej pôde stojaci učenci Rakúska spoja sa k obhájeniu a k uskutočneniu zásad kresťanských vo všetkých *oboroch* vedy (1889, 77); Príležitosť k tomu vhodná: udierať na buben vlastenectva, nabiť kňazom ľudu slovenského do hláv vysoké a široké o jich povolani jakožto apoštolov maď. „kultúry“ v horních *krajoch*

¹⁴ В современном словацком литературном языке данное слово является существительным мужского рода.

¹⁵ Lokál obojaký na *ach* i *och* je obyčajný a dobrý... [Štúr 1957: 195].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Uhorska... (1890, 21); Na ústredných polohou svojou a vo všetky strany pozorných *vrškoch* stavali svoje centralné salaše, kde pre dedu baťka nesmela chybovať ochranná bašta, na mieste povýšenejšom, dačo i od prírody hájenom, stavänia, z kadiaľ mohol prezierať celý svoj vidiek (1890, 5); Spolok ten podáva ľudu slovenskému za pár krajciarov poklady múdrosti kresťanskej, ktorá není pozlátená leskom slávy sveta tohoto, podáva mu poklady v *spisoch* náboženských... (1890, 10); Nie v skryte, jako ešte pred 100 rokmi, ale verejne len samom Londýne v 155 *kostoloch* a kaplnkách 387 kňazov slúževa mše sv., káže slovo Božie a vysluhuje sv. sviatosti katolikom (1890, 59); Keby nebolo tých bezpustností pri *hodoch*, svatbách, kršteniach, karminách a pohrabných *karoch*, bolo by i to lepšie v rodinách (1890, 2); Pod assentírku prídu mladíci narodení v *rokoch* 1870, 1869 a 1868 (1890, 190) — Daj Bože, aby nastalý rok bol nám jedným krokom v *hodách* pokania ku šťastlivej hodine smrti! (1889, 10).

Итак, широкая вариативность падежных форм имен существительных в словацком литературном языке конца XIX века была обусловлена целым рядом факторов. Частично она восходила к предшествующим кодификациям, т. е. сохранялись вариативные формы, представленные в кодификации Л. Штура (в неизменном или модифицированном виде) либо допускалось употребление форм, выступавших как в кодификации Л. Штура, так и А. Бернолака. Кроме того, вариативность могла формироваться за счет диалектных языковых средств (западнословацких или среднесловацких), бегемизмов и, возможно, определенных конструктов, создателями которых были сами кодификаторы. Объективно такое количество вариативных форм было избыточным, что и обусловило необходимость новой кодификации словацкого литературного языка, осуществленной С. Цамбелом в самом начале XX века.

Л и т е р а т у р а

- Лифанов К. В. Язык духовной литературы словацких католиков XVI – XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. Москва, 2000.
Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť druhá. Úvod – komentáre. Bratislava, 1978.
Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Tretie vydanie. Turč. Sv. Martin, 1919.
Pavelek J. (editor). Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964.
Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.
Štúr L. Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, 1957.